

900/1918

5825

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОАРМЕЙЦА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРЕ

ВОЕНИЗДАТ. 1939

NLRK

00152306

Отдел национальной
и краеведческой
литературы

9(c) 1918

Б 825

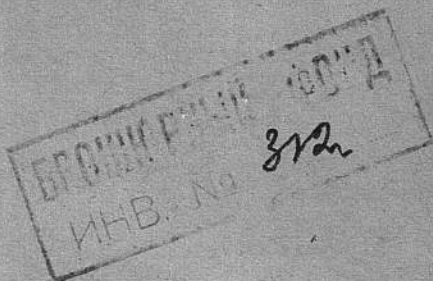
БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

С. БОРИСОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
НА СЕВЕРЕ

163965

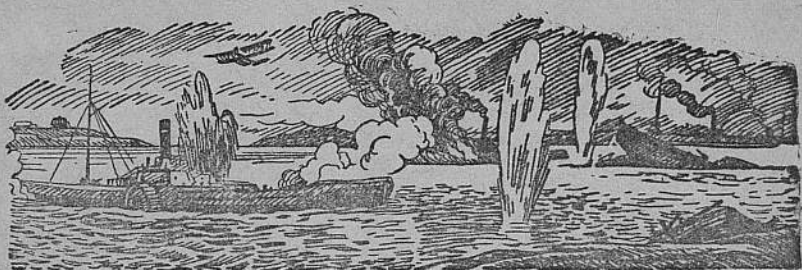

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1939

С. БОРИСОВ. „Гражданская война на Севере“.

Очерк кратко излагает историю хозяйничанья интервентов в Мурманске и Архангельске и организацию их разгрома.

Автор приводит отдельные эпизоды героической борьбы частей Красной Армии и Красного Флота за освобождение Севера от интервентов и белогвардейцев.

«Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причем войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались эти «цивилизованные» разбойники и высадили свои войска на территорию России.

Англо-французы высадили войска на севере России, заняли Архангельск и Мурманск, поддержали там белогвардейский мятеж, свергли власть Советов и создали белогвардейское «правительство севера России». (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 217.)

I. ИЗМЕНА СГОВОР

На крайнем севере нашей страны, за полярным кругом, находится Кольский полуостров. Крутые берега его омываются с севера Баренцовым морем. Вклиниваясь глубоко в сушу, Баренцово море образует Кольский залив — естественную и удобную гавань. На восточном берегу этого залива стоит город Мурманск. Кругом — густые леса, тундра, горные массивы.

В годы империалистической войны в Мурманске чувствовалось небывалое оживление. Из его незамерзающего, благодаря теплоту течения (Гольфштрему), порта уходили и возвращались корабли. Основная связь с союзниками осуществлялась в то время через Мурманский порт. В начале

1918 года, когда Россия вышла из империалистической войны, и порт, и город затихли. Как грозный призрак прошлого, на рейде стоял на якоре огромный, уютнообразный английский линкор «Глория». В марте по соседству с «Глорией» бросил якорь английский броненосец «Кокрен». Вскоре прибыл в порт и французский броненосец «Адмирал Ооб». В самом Мурманске можно было встретить офицеров английской и французской службы и много русских в шинелях со следами споротых погон. Всех их загнала сюда буря Октябрьской революции. Они пережидали непогоду в тихом далеком Мурманске...

В Мурманске создан совет. Но это был не большевистский совет. В его составе преобладали эсеры, меньшевики, троцкисты. Среди работников этого совета находился некто Веселаго. Незадолго до Октябрьской социалистической революции он был прислан в Мурманск правительством Керенского по рекомендации англичан... Время от времени Веселаго посещал английского консула...

Занимая должность управделами совета, Веселаго становится ближайшим советником Юрьева, ставленника предателя Троцкого. Председатель Мурманского совета Юрьев по наущению Веселаго объявляет о «самостоятельности и независимости» Мурманского края. Он порывает сношения с Архангельским советом, Петрозаводском и изолирует край от всей остальной Советской России.

Из революционного Петрограда в Мурманск бежит гвардейский генерал Н. И. Звегинцев, с целью организации контрреволюционного мятежа на севере.

В конце января 1918 года в кабинете английского консула собрались для дружеской беседы английский адмирал Кемп, консул Холл, Веселаго и генерал Звегинцев. Они ограничились кратким разговором. Повидимому, все было ясно, и нужда в длительных объяснениях отпала.

Веселаго вкратце рассказал, что уже сделано для изоляции Мурманского края. Он заверил собравшихся, что в случае возможного возмущения среди рабочих эти дела уладит председатель Мурманского совета Юрьев...

Адмирал Кемп одобрительно кивал головой.

— Я считаю, — заявил Веселаго, — возможной свою работу только при условии поддержки со стороны адмирала...

Кемп заверил Веселаго:

— Наша помощь вам будет обеспечена...

— Мы создадим, — ответил довольный Веселаго, — новую форму управления взамен существующей...

Вопрос о контрреволюционном перевороте был решен. Заговорщикам надо было спешить — могли разузнать о заговоре и прислать из революционного Петрограда отряды Красной гвардии.

В Мурманск спешно направлялись суда с войсками интервентов. К июлю 1918 года число оккупационных войск в Мурманске было доведено до 8 000 человек. Мурманск намечался союзниками как плацдарм для развертывания оккупационной армии. Белогвардейские подпольные офицерские организации в Петрограде и Москве пересылали на север офицерские отряды.

Облегчая интервентам осуществление их замыслов, председатель Мурманского совета изменник Юрьев отправляет в центр телеграмму, в адрес Троцкого.

В этой телеграмме говорилось, что французская, американская и английская миссии в Мурманске готовы были «содействовать» Мурманскому совету, оказывая ему помощь как продовольствием, так и живой силой.

Это было прямое предложение о сговоре с интервентами за спиной советской власти.

Троцкий скрыл эту телеграмму от В. И. Ленина. 1 марта 1918 г. Троцкий без ведома Совнаркома дал Мурманскому совету директиву «принять всякое содействие союзных миссий». Это была санкция на прямой разговор с империалистами.

Интервенты и их пособники радостно вздохнули: теперь оккупация Мурманска будет облегчена. Между Мурманским советом и интервентами был заключен договор, по которому вся власть переходила в руки военного совета. В его состав вошли по одному представителю от английской и французской миссий и от Мурманского совета...

2 марта состоялось совещание с участием представителей иностранных миссий и Мурманского совета. На этом совещании было достигнуто принципиальное соглашение об оккупации.

На следующем заседании интервенты потребовали введения в Мурманск отряда чехов и разоружения русских матросов — основной вооруженной силы в городе. 9 марта высадился первый отряд английских солдат в Мурманске.

Единственным крупным отрядом пролетариата в Мурманском крае были железнодорожники. Когда они узнали о комбинациях и сделках с интервентами, то через председателя железнодорожного совета вызвали по прямому проводу Троцкого. Однако последний к проводу не подошел. Тогда Троцкому было передано по телеграфу, что Мурманский совет ссылается на его указания о контакте с французами и англичанами.

«Зная из прошлого опыта, — говорилось в телеграмме, — что англичане очень внимательно изучали нашу дорогу при поездках по ней, делали снимки портов и причалов, мы естественно опасаемся захвата Мурманской дороги. Подозрительно великодушные в вооружении нас, обещание снабжения продуктами, в то время как на предложение мира в свое время ни англичане, ни французы не откликнулись...»

О предательском сговоре с империалистами стало известно советскому правительству. Была сделана попытка образумить Мурманский совет.

Во второй половине апреля состоялся по прямому проводу следующий разговор Москвы с Мурманском.

«У аппарата Сталин. — Отвечайте сперва на 2 вопроса. Потом дадим ответ.

Вопрос первый: Договор, заключенный вами с англо-французами, представляет из себя письменный договор с соблюдением формальностей или устный?

Алексеев¹. — Это словесное соглашение, запротоколированное дословно.

¹ Алексеев — псевдоним А. М. Юрьева. (Ред.)

Вопрос второй: Какими силами ваш совдеп располагает без Англии и Франции?

Алексеев.— Имеем 100 человек и дорожную охрану, которая формируется, а также могут быть мобилизованы до 200 моряков военного флота, обслуживающего суда Мурманской флотилии.

Сталин.— Еще вопрос: продовольствие дано англичанами даром или в обмен?

Алексеев.— В счет кредита из Главного управления заграничных заказов так же, как и уголь.

Сталин.— Еще ответьте на один вопрос. Англичане никогда не помогают зря, как и французы. Скажите: какое обязательство пришлось взять совдепу за военную помощь со стороны англичан и французов?

Алексеев.— Помощь оказывалась и оказывается Мурману и Мурманскому пути потому, что им так же, как и России, необходимо сохранить и развить этот край и путь, ибо в настоящее время это единственный путь сообщения России с Англией, Францией, Америкой. Сохраняя Мурман, они делают это не ради краевых интересов, но ради своих интересов в России. Никаких обязательств поэтому от нас не требуется и не требовалось. Вот текст словесного соглашения...

Сталин.— Примите наш ответ: ... Наличие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации...

Алексеев ссылается на телеграмму Троцкого.

Сталин.— Телеграмма Троцкого теперь ни к чему».

ОККУПАЦИЯ

Основная задача, которую себе ставили империалисты, начав интервенцию в разных районах России,— это свержение советской власти и восстановление власти капиталистов и помещиков.

В каждом районе интервенты выдвигали те или иные поводы вмешательства, в зависимости от условий обстановки. На Севере интервенция началась под предлогом защиты Северного края от захвата германскими войсками. Войска немецких империалистов, получив 23 февраля 1918 года от молодых частей Красной Армии решительный отпор под Псковом и Нарвой, вынуждены были приостановить свое вторжение в Советскую Россию. Весной 1918 г. не могло быть и речи о «захвате» немецкими войсками Севера. Первой задачей интервентов на Севере было оказание помощи белогвардейцам в начавшейся гражданской войне. Вообще центр тяжести в своей деятельности союзники перенесли на подготовку русской контрреволюции, организуя военно-политические заговоры.

Глава английской миссии в Москве Локкарт¹ был руководителем английского шпионажа в Советской России. В письме к американскому полковнику Роббинсу 5 мая 1918 г. Локкарт сообщил, что Троцкий удовлетворил многие просьбы в отношении права свободного передвижения и создал «все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске». И действительно, за пять недель, с 25 апреля по 31 мая, в Мурманск приехало более 5 500 белогвардейцев.

Интервенты чувствовали себя господами положения. Теперь им оставалось расширить интервенцию и начать поход в глубь страны, имея целью совместно с белогвардейскими отрядами захватить революционный Петроград и сердце страны — Москву.

План похода разрабатывался военным командованием англичан и французов при участии генерала Звегинцева. Звегинцев разработал детальный план интервенции и захвата Мурманска, Архангельска и Вологды.

В своем плане, представленном англо-французскому командованию и принятом затем к руководству, Звегинцев писал:

¹ Впоследствии Локкарт был арестован и в октябре 1918 г. выслан в Англию. (Ред.)

«1) Необходимо готовиться к продолжительной и упорной борьбе.

2) Мурманск — Кандалакша — Кемь — Сорока — Архангельск — вот база будущего снабжения русской армии, каковое не может быть выполнено без помощи союзников.

3) Имея сильные заслоны на участке Масельская—Званка и в Вологде, создать плацдарм для разворачивания армии...».

В апреле 1918 г. Троцкий назначает царского генерала Звегинцева мурманским военным руководителем. Это назначение облегчило Звегинцеву осуществить его изменнические замыслы.

Однако Троцкий на этом не останавливается и оказывает дальнейшую помощь врагам революции. В то время в Архангельске было сосредоточено огромное военное имущество — боевые запасы, винтовки, пушки и т. д., ввезенные во время мировой войны для русской армии. Советские работники пытались отправить эти крайне необходимые для формирующейся Красной Армии запасы в глубь страны. Троцкий запретил вывоз военного имущества, грозя суровой карой нарушителям его приказа. Для кого берет Троцкий эти боевые запасы?

Локкарт в письме к Роббинсу сообщает:

«... он (Троцкий) сегодня заключил с нами полное соглашение касательно союзных запасов в Архангельске, согласно которому мы можем удержать те запасы, которые необходимы для нас...»

Так предатель Троцкий помогал северной контрреволюции вооружаться.

18 апреля Мурманский совет объявил себя «краевой властью».

Мурманск, где были собраны основные силы интервентов, превратился в центр средоточия северной контрреволюции. До поры до времени интервенты не выступали открыто, а действовали через совет, захваченный бандой изменников во главе с Юрьевым.

Контрреволюция торопилась формировать свои отряды.

В советских военных учреждениях Петрограда орудовало

много шпионов и изменников, занимавшихся отправкой офицеров на Мурман, — генералы Геруа, Поляков, Акутин и др. Все эти шпионы проникли в советский аппарат при прямом содействии Троцкого и его приспешников. Занимая ответственные должности, они использовали свое служебное положение для черного дела измены. Они снабжали белогвардейцев советскими документами. Белогвардейцы беспрепятственно приезжали в Мурманск. В Мурманске они являлись к генералу Звегинцеву, который комплектовал белогвардейские части.

В Мурманске высаживается английская пехота, выгружаются орудия. На станции формируется бронированный поезд. И в то же время русские миноносцы, находившиеся в Мурманске, разоружаются, с крейсера «Чесма» снимается радиостанция — русский флот разоружен и лишен средств связи.

Юрьев и его приспешники, лакействуя перед союзниками, всячески обманывали массы. Они распространяли ложные слухи о якобы готовящемся наступлении немцев на север и о том, что для борьбы с ними прибывают «добровольцы» и высаживаются английские и французские войска...

ОТКРЫТЫЙ МЯТЕЖ

Москва категорически потребовала от Мурманского «совета» прекращения преступной связи с англичанами и французами и изгнания их из Мурманска.

Мурманский совет пошел на окончательный разрыв с Советской Россией.

В ночь с 1 на 2 июля состоялся последний разговор по прямому проводу между Мурманском и Москвой. Юрьев прислал объяснения, пытаясь оправдаться в своей измене. Ему ответили, что он и все те, которые стоят на его точке зрения, будут рассматриваться как изменники революции и Советской России, что Красная Армия исполнит до конца свой революционный долг в борьбе против обеих империалистических коалиций... А адмиралам, хозяевам Юрьева,

было тут же передано, что в случае вооруженного вторжения и насильственного продвижения по территории революционной России они встретят всенародное восстание, так же, как встретили те, кто вторгся в Украину.

Интервенты показали свое лицо... Через день после разговора с Москвой английские интервенты расстреляли трех членов Кемского совета.

✓ Около Кеми был высажен английский десант в 1 000 человек. В Соробе арестованы все члены заводского комитета, на острове Попова — вся организация коммунистов, на железной дороге — все активные сторонники советской власти. Флот был захвачен английскими военными судами, пограничники разоружены и у населения реквизировано все оружие. Красный флаг был всюду заменен царским трехцветным.

Английские палачи арестовывали и расстреливали всех, на кого указывала контрразведка, как на сторонников советской власти.

Над Архангельском нависла угроза. Советские работники пытались спасти ценные грузы, находившиеся в огромном количестве в порту. Но ежедневно прибывали из центра новые составы, груженные ценными товарами. Засевшие в столице в аппарате Центросоюза и Лыноцентра меньшевики и эсеры торопились переправить интервентам народное имущество.

Север кишел эсерами и контрреволюционерами всех мастей. Поддерживаемые кулаками, заводчиками и торговцами, эсеры вели агитацию против советской власти. Большевистские организации в Архангельске были в то время недостаточно еще окрепшими. К началу интервенции в партийных организациях Архангельска насчитывалось около 600 человек.

Архангельский съезд Советов объявил мобилизацию. Но мобилизация была сорвана контрреволюционными элементами, в том числе эсерами.

В те же дни советская разведка добыла следующие сведения, раскрывавшие замыслы контрреволюции:

«...Предполагается отрезать Архангельск от Вологды в ближайшие дни. Имеется контрразведывательное бюро французов. Главное гнездо находится в консульствах. Про Архангельск — они думают взять его голыми руками, контрразведка у них поставлена хорошо, и они следят за каждым нашим шагом и предполагают, что мы от них не уйдем. На выступление внутри Архангельска они мало надеются, а на Вологду возлагают большие надежды... В Архангельске есть радиостанция, но где — неизвестно...».

План интервентов: «во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехо-словаками. В Вологде идет формирование славяно-британского легиона и сбор денег для нужд оккупации. Цель легиона: в то время, когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти, а также всячески мешать отступлению советских войск, как от Архангельска, так и от Вятки».

Первого августа интервенты начали обстреливать Мудьюг — остров в устье Двины, закрывающий вход в Архангельский порт. Батареи на острове были сооружены во время мировой войны при участии английских специалистов. Они оказались вредительски поставленными на открытом месте — рядом с маяком, который служил далеко видимой мишенью для обстрела из дальнобойных орудий.

Батареи были расстреляны крейсерами. В ночь на 2 августа из Архангельска была отправлена в Москву телеграмма о падении острова. Для обороны Архангельска имелось 800 штыков, с которыми, как указывалось в телеграмме, решено было оборонять город. Англичане имели в своем распоряжении два броненосца, три крейсера, броневики и много гидропланов.

2 августа над городом появились английские гидропланы. В этот же день был высажен крупный десант.

Высадка интервентов послужила сигналом для притаившихся в городе контрреволюционеров. Они подняли мятеж. Власть захватили меньшевики и эсеры.

Созданное «Верхнее управление Северной области» во главе с эсером Чайковским восстановило царские суды, дореволюционные органы городского и земского самоуправления и отняло у трудящихся города и деревни все завоевания Великой Октябрьской революции.

Буржуазия ликовала. В церквях служили молебны за эсеро-меньшевистское правительство.

Английские и французские империалисты, начав интервенцию, должны были этот незаконный акт обставить так, чтобы не вызвать недовольство своих народов, которые не хотели воевать с Советами. И тотчас же после высадки десанта правительство мятежников «пригласило» союзников оказать военную помощь.

Опираясь на штыки интервентов, эсеро-меньшевистское правительство усилило репрессии против революционно настроенных рабочих. В деревне у крестьян отбирали землю. С первых же дней своего существования правительство Чайковского встретило враждебное отношение рабочих и деревенской бедноты и середняков. Попытки Чайковского создать армию встретили упорное сопротивление народа. Эсеровская газета «Возрождение Севера» писала: «Трудно передать настроения солдат. Тут и злоба на богачей, которые остаются в деревне, и зависть ко всякому, кто может спокойно сидеть дома, и над всем этим и прежде всего — упорное нежелание воевать. Жутко становится, когда слушаешь их речи. Одни ни за что не пойдут на войну, пусть лучше их убьют в деревне, другие пойдут, но при первом же случае перейдут к большевикам, чтобы опять восстановить власть народа, власть бедноты».

Интервенты видели непрочность правительства Чайковского. Как ни старались эсеры и меньшевики выслужиться перед интервентами, последние, используя их для свержения советской власти, разогнали правительство и установили военную диктатуру.

Власть в Архангельске оказалась в руках интервентов. Английский генерал Пуль — главнокомандующий войсками

интервентов — назначил полковника французской армии Дюнопа военным губернатором Архангельска.

Архангельск можно было защитить, но организация обороны была в руках бывших царских офицеров. И в итоге оказалось:

Батареи Мудьюга, прикрывавшие Архангельск, после первого залпа вышли из строя. Минные заграждения при входе в устье Двины были поставлены вредительски. Ледоколы «Микула» и «Святогор», вооруженные артиллерией, при приближении интервентов были затоплены.

По железной дороге к Архангельску спешил советский поезд с артиллерией. Намечено было открыть огонь по приближавшимся транспортам интервентов. Но в нескольких километрах от Архангельска поезду пришлось остановиться. Впереди, у моста, громоздились опрокинутые паровозы: начальник железнодорожного участка, чтобы помешать прибытию артиллерии, устроил крушение. Предатель был пойман и тут же расстрелян. Захват Архангельска являлся только частью большого плана, задуманного интервентами для свержения советской власти. Этот заговор, раскрытый славными чекистами под руководством верного соратника Ленина и Сталина — Ф. Э. Дзержинского, возглавлялся Локкартом и крупным международным шпионом Рейли.

* * *

Плохо вооруженные небольшие красные отряды отступали вдоль Северной Двины. По реке шли эвакуированные из Архангельска пароходы, их преследовали белогвардейские вооруженные суда.

Красные отряды, действовавшие на Северной Двине, прикрывали от интервентов важнейшее котласское направление. Действиями отрядов руководил молодой и бесстрашный большевик Павлин Виноградов — первый командующий Северо-Двинским фронтом. До этого он был активным организатором советской власти на Севере, являясь членом президиума Архангельского губисполкома.

Советские пароходы подошли к Березникам.

5 сентября 1918 г. командование красными отрядами решило начать наступление на д. Шидрово, где сосредоточились главные силы белых. Кроме отрядов, сформированных из эвакуированных из Архангельска красноармейцев и советских работников, на фронт прибыл советский Вологодский полк.

На военном совете было решено начать операции тремя отрядами. Первому ставилась задача занять устье р. Вага, где находилась база белой флотилии; второму — занять д. Орлово и третьему совместно с артиллерией овладеть д. Шидрово. 7 сентября, ночью, отряды выступили. Павлин Виноградов пошел с третьим отрядом.

Первый отряд, попав под сильный огонь белых, вынужден был отступить... Со вторым отрядом связь была потеряна. Третий отряд в 8 часов утра 8 сентября приблизился к д. Шидрово и вступил в бой с врагом. В начале боя белые перебили почти всех красных артиллеристов. В это же время к д. Шидрово по реке Вага подходили пароходы белых.

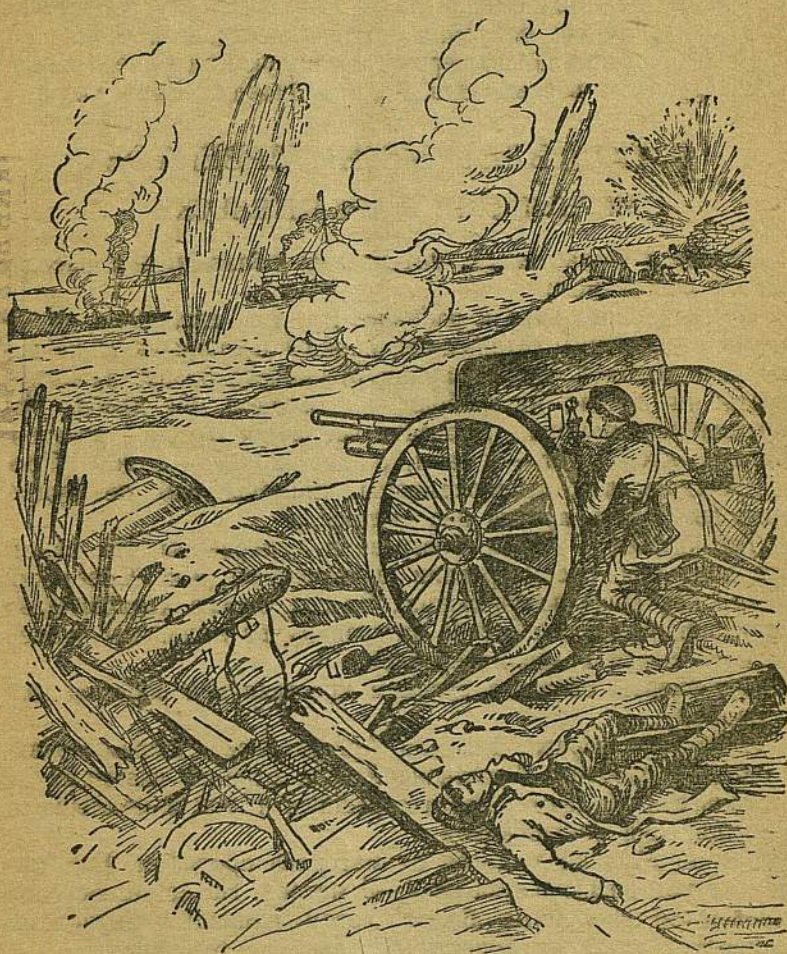
Отряд с пулеметами и единственной пушкой отправился по лесной тропе к берегу Ваги, где стояли белые суда.

Виноградов рассыпал отряд в цепь.

— Огонь!

Одновременно выстрелила пушка, застрочили пулеметы, и меткие пули красногвардейцев обрушились на растерявшиеся команды белых судов. Враг скоро пришел в себя и открыл ответный огонь из всех судовых орудий. Красногвардейцы были хорошо укрыты в ложбине, и огонь белых не причинял им вреда. На судах белых палубы уже покрылись трупами. Однако орудия белых скоро нащупали красногвардейцев. Часть отважных бойцов была ранена, некоторые убиты. Убит был последний артиллерист. Замолкла пушка. Тогда Виноградов подбежал к орудию и навел его на пароход белых. Снаряд попал в машинное отделение; черный дым окутал пароход и он начал медленно опускаться на дно.

163965

...Виноградов подбежал к орудию и навел его на пароход белых...

Подбитый пароход тонул. Белые, испугавшись за судьбу остальных судов, повернули к Архангельску. Советские суда могли теперь спокойно плыть к месту назначения...

Но в этом бою погиб первый командующий Северо-Двинским фронтом верный сын Родины Павлин Виноградов.

II. ПОД ВЛАСТЬЮ ИНТЕРВЕНТОВ

ЧЕРНЫЕ ДНИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Захватив Архангельск, интервенты обратились к населению с воззванием:

«Русские крестьяне и рабочие! Вот мы, англичане, французы, американцы, итальянцы, японцы пришли сюда на помощь к молодой русской армии. Мы ничего от вас не хотим брать: ни земли, ни фабрик, ни городов, ни хлеба. Мы пришли вам помочь... Бросайте все ряды Красной армии и бегите, кто хочет — к нам, а кто хочет — домой. Предупреждаем вас, красноармейцы, пощады вам не будет, если вы будете против нас драться...»

Так писали в своих воззваниях интервенты. На самом же деле они рассматривали захваченный ими Советский Север как свою полуконию. За год своего хозяйничанья союзники вывезли с Севера за границу на миллионы рублей разного сырья и лесоматериалов.

Интервенты обещали русским крестьянам и рабочим мир и свободу...

И настали черные дни для Архангельска. Тюрем не хватало для рабочих. Англичане начали строить казематы на Иоканье и Мудьюге, места страшных пыток и медленного умерщвления большевиков.

Остров Мудьюг отделен от материка протоком. Над морем остров возвышается на 4—5 метров. На самом острове множество зловонных болот, летом кишаших мириадами комаров, способных довести человека до безумия.

Слово «Мудьюг» в те тяжелые дни наводило на жителей Архангельска ужас. Матери пугали своих плачущих ребят:

— Не плачь, услышат англичане, увезут в Мудьюг...

Таков был мир, который сулили интервенты.

В самом Архангельске жизнь протекала, как в осажденном городе. Вооруженные отряды интервентов сновали по улицам города. С наступлением темноты воспрещалось жителям выходить на улицы. Контрразведка обшаривала каждый дом, завод. Военные команды искали большевиков. А ночью в зловещей тишине погруженного во мрак города раздавались выстрелы, — на «мхах» совершались очередные расстрелы...

В каждом рабочем и крестьянине интервенты и белогвардейцы видели большевика. Неосторожно сказанное слово служило поводом для ареста и отправки на Мудьюг.

Такова была свобода, которую установили интервенты.

Один из заключенных, уцелевший после пребывания на Мудьюге, в своих воспоминаниях рассказывает. «Голод давал себя знать с первых же дней... Голодные, озлобленные люди с каким-то особым безумным жадным блеском глаз ползали по грязному, сорному, заплеванному полу, собирая ничтожные упавшие крошки сухарей.

Когда мы открыли дверь цынготной камеры, на нас пахнуло таким ужасным запахом, что мы едва не упали в обморок. Большинство арестованных в этой камере уже не могло вставать и испражнялось под себя. Умершие лежали на нарах вместе с живыми, причем живые мало отличались от мертвых. Грязные, в рваном тряпье, покрытые струпьями, заживо разлагающиеся, они представляли ужасную картину.

Взвалив трупы на сани, мы повезли их вслед за конвоем, сами не зная куда. Оказалось, что к сараю, служившему мертвецкой. Когда дверь сарая раскрылась, мы увидели потрясающее зрелище: в сарае навалена огромная куча трупов. Грязные, одетые в рвань, тряпье, тела лежат как попало: одни лицом вверх, другие — вниз, третьи — боком. Отовсюду торчат руки и ноги. Из щелей сарая дует, и эта куча трупов местами занесена снегом. Ужас сковал наши сердца, волосы вставали дыбом, когда пришлось, втаскивая новые трупы, ступать по телам и лицам умерших.

— Ступайте смелее! Жалеете своих! Сами тут будете! Пересыпая эти слова площадной бранью, конвоиры щедро награждали нас ударами прикладов».

Иоканьга была вторым местом заточения большевиков.

Тюрьма была расположена на скалистом берегу Белого моря, на Иоканьгском полуострове, среди мхов и лишаяев. Беспрестанный сильный ветер причинял тяжелые страдания брошенным в землянки узникам. Достаточно отметить, что из 1 000 заключенных через 6 месяцев осталось в живых 127 человек, но это были полутрупы, которые самостоятельно не могли передвигаться.

Бывший узник в своих воспоминаниях рассказывает: «Нас держали в землянке, где были кое-как сколочены трехэтажные нары. Самой худшей пыткой было для нас то, что нам не давали работать. Заключенных заставляли лежать и только лежать на нарах, не двигаясь, под страхом расстрела без суда. В 2 часа дня следовал приказ:

— Спать!

И узники должны были лежать закрыв глаза под страхом ужасных пыток».

Немногом удалось сохранить жизнь на Иоканьге и Мудьюге. Расправы усиливались в дни революционных праздников — 1 мая и 7 ноября. В канун 1 мая 1919 года арестованных на Мудьюге под угрозой смерти послали рыть могилы. Ночью вывели группу архангельских большевиков-подпольщиков во главе с товарищем Теснановым. Их поставили в ряд на краю ямы. Вдали стояли арестованные, рывшие могилу.

Теснанов выдвинулся вперед:

— Товарищи! Передайте всем сидящим в тюрьме товарищам наш последний привет... Расскажите им, как мы встретили 1 мая!

И обратившись к офицеру — начальнику карательной команды, — Теснанов сказал:

— Знайте, палачи, мы умрем, но наше дело останется живым... Придут товарищи, они отомстят за нас...

Офицер заторопился:

— Прямо по цели!

Солдаты вскинули винтовки.

— Взво-од!..

Солдаты прицелились. Спокойно смотрели большевики в глаза смерти. И внезапно, единым порывом, послали они последний привет родине:

— Да здравствует Советская Респ...

— Пли!..

Палачи стреляли торопливо, трусливо и в могилу сбрасывали полуживых людей.

Белогвардейцы не щадили ни женщин, ни детей.

Однажды под Архангельском, на мхи, вели на расстрел группу рабочих. Позади бежала жена одного из осужденных и держала на руках ребенка.

— Пустите меня к мужу! — кричала в отчаянии женщина.

Солдаты отгоняли ее прикладами.

— Расстреляйте и меня! Как я с ребенком одна останусь?

Офицер, злорадно улыбаясь, сказал:

— Что же и тебя можем...

Женщина была готова умереть и потребовала:

— Тогда пусть уж и ребенка...

Палачи расстреляли и мать, и ребенка.

ПАРТИЯ СОБИРАЕТ СИЛЫ

В Архангельске царил двойной террор — союзнических контрразведок и местной охраны. Но никакие кошмары Мудьюга не могли остановить борьбу большевиков, готовых идти на любые жертвы ради освобождения родины от власти интервентов и белых. Спокойствию интервентов и белых мешали большевики. Несмотря на расстрел всего Архангельского комитета партии большевиков, уцелевшие товарищи ушли в подполье. Они выпускали воззвания, вели кропотливую работу по собиранию сил и подготовке восстания. Когда торжествующим интервентам казалось, что

всякое внутреннее сопротивление подавлено, вдруг на заводах, в казармах, на стенах домов Архангельска появлялись большевистские прокламации. Интервенты объявили мобилизацию, и на другой день, одновременно с приказом о мобилизации, на стенах появилась прокламация, подписанная:

«Архангельский исполнительный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)».

Прокламация призывала:

«...и вот снова мобилизация! Сотни нас, призванных, будут оторваны от мирного труда, от своих семей, заперты в казармы, а потом брошены в братоубийственную войну, в которой мы будем гибнуть во славу международного капитала и наших монархистов, наших тиранов. ... Мы явимся на призыв, возьмем винтовки в руки, но не для того, чтобы воевать с нашими братьями из Советской России, а только для того, чтобы в нужный момент помочь им в борьбе с общим врагом...» Так под двойной слежкой, белогвардейской и иностранной охранок, под угрозой немедленного расстрела большевики работали не покладая рук. Они развертывали героическую, самоотверженную борьбу с интервентами. Всюду, даже в тюрьмах, большевики организовывали массы и поднимали их на борьбу с белогвардейцами и интервентами.

Большевики вели работу в белогвардейских частях и помогали мобилизованным рабочим и крестьянам, вчерашним фронтовикам, разобраться в происходящих событиях.

Солдаты увидели, что свергнутая в октябре власть капиталистов и царских генералов восстановилась в крае с помощью войск иноземных пришельцев. Снова, как при царе, золотопогонные офицеры издевались над солдатами, а революционных рабочих и крестьян расстреливали. В войсках начиналось глухое брожение. Первая попытка восстания была сделана в архангелогородских казармах 11 декабря 1918 г. Сигналом для восстания послужил приказ отправить две роты на фронт.

— Что же, братцы, против своих пойдем?

— К чорту золотопогонников!

Солдаты расхватили свои ружья, собрались в самом большом помещении казармы и начали митинг. Явился полковник Шевцов и потребовал от солдат, чтобы они пошли на молебен.

— Не пойдем на молебен и на фронт не пойдем!

Полковник незаметно скрылся. Отборная белогвардейская пулеметная команда и бомбометчики окружили казармы. Для придания белогвардейцам бодрости прибыли и английские части. Начался обстрел казарм. Восстание было подавлено. Зачинщиков расстреляли. Позади солдат, производящих расстрел, выстраивались англичане с пулеметами. Солдаты под угрозой смерти совершали свое кайново дело.

Восстания и возмущения учащались. Белая разведка, руководимая английскими и французскими шпионами, хватала солдат, и начинались расправы по суду. Сохранилось несколько приговоров этих судов. В одном из них, составленном после казни, мы читаем: «...Произведенными по этому поводу расследованиями и найденными документами была установлена принадлежность к этой организации чинов военно-контрольной команды Пухова и Шереметьева, солдата 1-го северного стрелкового полка Глазкова, солдата 1-го автомобильного дивизиона Сывороткина, гр. Павла Каминского, бомбардира 2-го отдельного артиллерийского дивизиона Поздеева, гр. Аншукова, Печинина и Богданова... Все эти лица были приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстреливание, и приговоры над ними приведены в исполнение...»

Ежемесячно через одну только губернскую тюрьму проходило по 300—400 обреченных на казнь или медленное умирание на страшном Мудьюге. Мы не знаем имен этих верных сынов родины, так как палачи уничтожили списки казненных. Но работа этих безымянных героев не пропала даром. Они подготовили поддержку Советской России в тылу белых.

III. РАЗГРОМ ИНТЕРВЕНТОВ И СЕВЕРНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ВЗЯТИЕ ШЕНКУРСКА

На громадном фронте с плохими путями сообщения, проходившими местами по безлюдной тундре, к осени 1918 г. численность разбросанных, разрозненных частей Красной Армии достигала только 5 000 человек. В случае наступления интервентов приостановить его было бы невозможно, так как не было ни резервов, ни транспорта. Наиболее уязвимым пунктом являлся Котлас с его складами огнеприпасов. Захват врагами Котласа мог вызвать большие трудности не только на Северном фронте, но и создать тяжелое положение на Восточном. А попытки английского командования сводились прежде всего к тому, чтобы развернуть наступление вдоль Северной Двины, в направлении на Котлас. Это обеспечивало связь Северного фронта белогвардейцев с Восточным фронтом белых.

Нужно было в первую очередь обеспечить защиту Котласа.

Во второй половине августа 1918 г. В. И. Ленин принял ряд мер к усилению Северного фронта артиллерией. Эшелоны с артиллерией были направлены на север. По указанию Владимира Ильича на подступах к Котласу были сооружены заграждения на железной дороге и водных путях.

Благодаря принятым в отношении Котласа мерам, удалось не допустить соединения сил северной и восточной контрреволюции. В. И. Ленин потребовал немедленной организации решительного отпора на Севере.

5 сентября 1918 г. был создан Реввоенсовет Северного фронта. Сформированной на Севере 6-й армии была поставлена задача препятствовать врагу развивать свои операции и продвигаться в глубь советской земли.

В то время была крайне напряженная обстановка в стране.

На Дальнем Востоке орудовали японцы. Они, высадив

войска во Владивостоке, захватили Приморье, разогнали Советы и поддержали белогвардейских мятежников.

На Северном Кавказе генералы Корнилов, Алексеев и Деникин из богатого казачества, офицеров и юнкеров формировали «добровольческую армию».

На Дону генералы Краснов и Мамонтов при тайной поддержке немецких империалистов подняли мятеж донских казаков.

В Советской Украине полчища германских войск подвергли села и города разгрому и устилали свой путь трупами трудящихся.

В Сибири и на Средней Волге ширился мятеж чехо-словацкого корпуса. Англо-французы и эсеры использовали этот корпус, состоявший из военнопленных, для мятежа против Советской власти. Вкупе с ним широко развертывал свою контрреволюционную деятельность ставленник империалистов небезызвестный адмирал Колчак.

В августе чехо-словаки захватили Казань.

На Восточном фронте белые армии Колчака и чехо-словаки продвигались к Волге. По плану интервентов колчаковцы должны были объединиться с силами контрреволюции и интервенции на Севере. В Котласе было намечено сомкнуть фланги белых войск. Это было в конце 1918 г. Центральный Комитет партии и товарищ Ленин направляют в район 3-й армии Восточного фронта товарища Сталина, чтобы не допустить объединения белых сил у Вятки, Котласа.

Северный фронт был очень тяжелым фронтом. Связь фронта с тылом была плохая, позиции находились среди лесов и болот, разобщенных друг от друга десятками километров. Бойцы страдали летом от сырости и мириадом комаров, а зимой от суровых морозов. Часто приходилось бойцам голодать, — доставка продовольствия была сопряжена с большими трудностями, да и в далеком тылу, на родине, голод принимал затяжную форму: страна была опоясана кольцом фронтов и отрезана от хлебобродных районов. Население же северных районов запасов хлеба не имело.

К концу 1918 г. соотношение сил на Северном фронте складывалось следующим образом. На Мурманском и других участках у противника насчитывалось 24 000 войск. Из этого числа английских войск — 13 400 чел. Под прикрытием интервенционистских войск, выдвинутых на позиции, были организованы три полка и три отдельных батальона белогвардейцев общей численностью около 8 000 штыков.

В рядах Красной Армии Северного фронта насчитывалось несколько более 3 000 бойцов на Мурманском направлении и 8 000 бойцов на фронте от Онежского озера до р. Печоры.

Обширные пространства — непроходимая тайга и болота — не давали возможности организовать сплошной фронт. Фронт установился по долинам рек, по железным дорогам и по редким трактам, пересекавшим тайгу или болота. Враг укрепил эти проходы блокгаузами с пулеметами и артиллерией.

Части 6-й армии, несмотря на превосходство противника в численности и технике, были уверены, что не позволят врагу проникнуть дальше в глубь советской территории и в нужный момент сумеют нанести ему сокрушительный удар.

Первый удар врагу был нанесен в начале 1919 г. под Шенкурском.

Шенкурск в течение пяти месяцев укреплялся под руководством американских инженеров. Белогвардейцы и интервенты были убеждены в его неприступности и чувствовали себя в безопасности за сильными блокгаузами.

Взятие Шенкурска было поручено Вельскому отряду (части 156-го стрелкового полка и отряд моряков), Коземскому отряду и Верхопаденскому отряду — всего около 3 000 бойцов пехоты при 39 пулеметах и 13 орудиях. Движение начато было из трех удаленных пунктов по трем сходящимся путям. Бойцы шли в ватниках с надетым для маскировки поверх ватников нижним бельем. Красноармейцы, пробираясь через леса, проваливались по колена в снег. Мороз в 37° и ветер обжигали лица наступавших бойцов. По глубокому снегу красноармейцы тащили за собой орудия...

19 января 1919 г. красные части атаковали Усть-Паденьскую, в 30 километрах южнее Шенкурска. Враг отошел на свои основные позиции, оставив две деревни. Но за Усть-Паденьской противник оказал упорное сопротивление, и бой затянулся на двое суток. Враг забрасывал наши наступавшие части ручными гранатами. Однако ночной атакой красным бойцам удалось захватить хорошо укрепленный пункт Высокая Гора.

Красные бойцы шли под огнем с непоколебимым упорством, оставляя на снегу раненых и убитых.

— Даешь Шенкурск!

На скользкий, обмерзший склон, где засел противник, шли со штыками на перевес. Враг дрогнул — он бежал в Шенкурск, под защиту 10 блокгаузов с пулеметами и орудиями, путь к которым преграждали многочисленные ряды проволочных заграждений.

25 января частям приказано было атаковать Шенкурск без артиллерийской подготовки. И снова, утопая в снегу, в сильный мороз, от которого захватывало дух, шли красные на приступ. Противник бежал, бросая артиллерию и военное имущество. Первыми бежали солдаты 339-го американского пехотного полка. Шенкурские белые власти, объятые паникой, просили своих растерявшихся защитников попытаться оказать сопротивление.

— Куда вы будете отступать?

— По маршруту Архангельск — Америка, — отвечали американские солдаты, надеясь, что им теперь удастся выпутаться из ненужной и опостылевшей им войны с красными.

Под Шенкурском интервенты получили первый урок. Нежелание воевать с большевиками обнаружилось в первую очередь у американцев. Один из участников интервенции, американец, опубликовавший под псевдонимом «Хроникер» свой дневник, так рисует настроения американских солдат:

«В декабре и январе только в течение немногих часов брезжил слабый свет. И вот, всю бесконечную ночь сидели американцы в крестьянских избышках и думали думы, еще более черные, чем ночь за окнами... Черные мысли прихо-

дили им в головы о неблагодарности их родины и о тех государственных деятелях, которые под гром звучных патриотических фраз обрекли их на далекую ссылку...

В феврале, когда положение ухудшилось и могло привести к полному уничтожению заброшенного на берегах Двины американского отряда, солдаты выступили, угрожая самовольно уйти в Архангельск, если им немедленно не дадут смены. Такие же настроения, только в более резкой форме, проявились у американцев даже в самом Архангельске».

Американское командование было вынуждено увести свои войска. Американцы погрузились на суда и отплыли к своим родным берегам. Это было для белогвардейцев грозным предзнаменованием. В Архангельске, на кладбище, высился ряд могильных холмов — там остались убитые и умершие американские солдаты...

1919 ГОД

1919 год проходил на Северном фронте в мелких стычках. Стороны разведывали слабые места и выжидали удобного момента броситься в смертельную схватку. В красноармейских частях в эти спокойные дни велась широко развернутая политическая и просветительная работа. В лагере же интервентов и белогвардейцев досуг, иногда заполняемый пьянством или расправами над мирными жителями, порождал отчаяние и мрачные мысли.

Сохранилось письмо красноармейца на завод к своим товарищам: «На далеком севере, в глуши лесов, в царстве мороза, снега да выюги не унывает русский пролетарий, перебившийся молоток и заступ на винтовку для защиты своей пролетарской родины...».

Это письмо рассказало, как проводят свой досуг красные бойцы: лекции, спектакли, пение, пляски — «вот как умеет веселиться красноармеец, отдыхает душой и завтра же, по приказу, беспрекословно пойдет в бой против иностранного капитала и белогвардейских банд».

Один из наших батальонов устроил клуб в с. Яковлевском на Северной Двине. Были оборудованы зрительный зал, сцена, написаны декорации. Стены украсили гирляндами зелени и портретами вождей. Весело и уютно было в красноармейском клубе. Но неожиданно пришлось отступить. Село занял отряд англичан. Вскоре красные войска отбили село обратно. Красноармейцы бросились в свой клуб. И вот что они увидели после хозяйничания интервентов: декорации изрублены, сцена сломана, обстановка разграблена, перебита... Красноармейцы снова очистили и привели в порядок помещение, написали новые декорации... И когда часть пошла в наступление и заняла новую позицию, клуб в прекрасном состоянии был передан волостному союзу молодежи.

Политработники и комиссары частей занимались делом большевистского воспитания не только в своих частях, но и среди окрестного крестьянского населения. Они организовывали местное население, создавали партизанские отряды, проникавшие глубоко в тыл противника. Сотрудники политотдела 54-й дивизии организовали отряд в тылу белых. В нем насчитывалось 65 человек из числа мобилизованных белых. Этот отряд 3 недели скрывался в лесах и до прихода красных войск занял деревню Кургомень. С помощью командующего Шенкурским участком Комиссарова был организован Верхосуландский партизанский отряд. Впоследствии этот отряд был влит в 1-ю роту 156-го полка. Из партизанских отрядов был сформирован 159-й стрелковый полк.

Партизанские отряды занимались разведкой, нападали на захваченные белыми деревни и были неуловимы, так как знали каждую тропу, обходы болот, буреломов. Один из партизанских отрядов в селе Шелекса назывался «Архангельский партотряд партизан». Организатором его был коммунист Дьяков. Каждый вступающий в отряд должен был подписать следующее обязательство:

«Клянусь твердо встать на защиту советской власти от всех разбойников-капиталистов и от всех контрреволю-

ционных сил, твердо выполнять все боевые задачи, быть всегда наготове, при полном боевом порядке. По первому приказанию начальника отряда и отдельных командиров выступать беспрекословно... Если при встрече с неприятелем, кто будет прятаться за спину товарищей и уклоняться от своей задачи, первый, кто увидит такого подлого труса, должен убить его на месте преступления».

В отряде была исключительная дисциплинированность и организованность.

Отряд ходил в бой со знаменем, на котором был лозунг: «Победим или умрем». Однажды два партизана из этого отряда, будучи в дозоре, заметили недалеко от себя какую-то тень. Партизаны насторожились. Кто-то прятался за сосной.

— Вставай! Руки вверх! — скомандовали дозорные.

Из-за сосны выползли двое и подняли руки.

— Отпустите... Мы дадим много денег...

Партизаны им резко ответили:

— Нас не купишь!

— Плохо вам будет... Нас здесь много...

— Марш вперед...

Белогвардейцы бросились бежать в лес, надеясь укрыться в густой чаще. Но пули партизан их настигли. Один был убит, другой тяжело ранен. Убитый оказался белогвардейским летчиком, а раненый — английским офицером. Партизаны отправились по их следам и нашли на поляне новенький самолет. Самолет был доставлен на ст. Плесецкую и сдан красному командованию...

С авиацией в 6-й армии дело обстояло плохо. Летчикам приходилось работать в невероятно тяжелых условиях. Вот обычная картина их работы.

Мороз достигает 40°. На снежной полянке, окруженной вековыми соснами, одиноко распластался самолет. Около него летчик и механик в крестьянских шубах и стоптанных валенках готовят машину к полету. Мороз накалил части самолета так, что неосторожное прикосновение руки к поверхности самолета причиняет ожог: рука прилипает и когда ее отдирают, то на самолете остается кусок кожи...

Всего в армии было две эскадрильи. В начале борьбы на фронте имелось 12 самолетов. К концу зимы 1919 г. осталось 4 машины и из 11 летчиков уцелело 6.

Интервенты, летая на новых машинах и имея обилие горючего, бесцеремонно совершали налеты на наше расположение и бомбили с 50-метровой высоты.

Самолеты интервентов бомбили не только военные объекты, но и дома мирных жителей. Они также старались вызвать пожары в тылу красных войск, сбрасывая зажигательные бомбы на леса и торфяные болота.

Однажды летчику Смирнову приказали проучить наглых интервентов. Наблюдатель донес, что четыре английских самолета показались над линией железной дороги и выискивают объект для бомбежки.

Советский самолет вылетел навстречу и резко повернул аппарат на противника. У советского летчика было намерение заставить врага принять бой и отвлечь его от объекта бомбометания. Увлекая противника за собой, наш летчик рассчитывал заставить врага израсходовать запас бензина и вернуться, не выполнив задачи.

Самолеты англичан, увидев единственный самолет красных, бросились на «легкую» добычу. Советский летчик, делая вираж за виражом, увлекал врагов все дальше и дальше. И, рассчитав, что у врага бензин уже на исходе (в своей машине осталось только на посадку), пошел к своему аэродрому. Англичане покружились и, опасаясь остаться без горючего, сбросили груз бомб около полотна железной дороги и ушли. У советского самолета после посадки было обнаружено одиннадцать пробоин.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ФЛОТИЛИЙ

С доблестью и неустрашимостью шли на врага и моряки Онежской и Северо-Двинской флотилий.

31 июля 1919 г. флотилия врага подошла к Онеге и под прикрытием судовой артиллерии высадила десант. По городу был открыт огонь зажигательными снарядами. Воз-

никшие пожары усложнили задачу обороны для маленького гарнизона и отряда курсантов. На Онегу наступал полк белых, за которым, для придания большей храбрости, шел отряд англичан с пулеметами... Белогвардейцы шли, стиснув зубы, зная, что если они начнут отступать, то их встретят англичане пулеметным огнем... Бой за Онегу длился 16 часов. Во время атаки в первом ряду шел комиссар 154-го полка тов. Алешин. Он бросил клич:

— За Советскую Россию — вперед!

Красноармейцы пошли в атаку на врага и отбросили его к морю.

Красная Онежская флотилия развернула свои боевые действия позднее — к концу лета 1919 года. Наиболее тяжелые бои происходили в начале августа и в октябре 1919 г.

Вечером 2 августа две канонерки и два сторожевых катера красной Онежской флотилии вышли в дозорную службу в районе Речного острова. На следующее утро с восходом солнца появились вражеские самолеты и стали сбрасывать бомбы на советские суда. Одновременно к сторожевым судам шли полным ходом и катеры врага.

Приходилось одновременно отстреливаться от самолетов и катеров. Вода вокруг советских судов била фонтаном — бомбы падали все ближе, и с катеров также открыли огонь. Врагу удалось подбить советскую канонерку, и она медленно потонула в воду. Часть команды была перебита, но оставшиеся в живых продолжали вести огонь с тонущего судна. Скоро враг подбил и сторожевое судно.

Третий советский корабль застрял у Сал-острова. Командиры судов с остатками команд, уничтожив секретные документы, спаслись на берег. Враг торжествовал. Он мог теперь распространиться по побережью озера и укрепить его артиллерией.

Моряки Онежской флотилии тщательно готовились к решительному сражению.

8 октября подготовка была окончена. В тот же день на собрании командиров флотилии был оглашен приказ о наступлении на противника, укрепившегося на Мед-

вежьей горе. В 10 часов вечера флотилия снялась с якоря, чтобы с рассветом быть у Мег-острова.

Утро было пасмурное. Вдали показался хребет Мег-острова. Красная флотилия приближалась. Ее заметили с острова и открыли ураганный огонь. Вода вокруг кораблей кипела от взрывов снарядов. Советские суда ловко маневрировали, и белым не удалось сделать ни одного попадания... Белые командиры растерялись: орудия исправные, снарядов неограниченное количество, почему же нет результата? На следующий день снова появилась красная флотилия и начала первой громить своими орудиями батареи врага. На острове поднялась паника... Земля дрожала от взрывов. Бежать было некуда... С острова подали сигнал:

— Не стреляйте! Мы — красные...

С советского корабля был послан по радио приказ: немедленно сдаваться и присылать на флагманский корабль представителей с замками от орудий и пулеметов. Ночью явилась делегация. Белые сдались. Путь к Медвежьей горе был свободен. Моряки Онежской флотилии начали готовиться к следующему походу.

Один из участников похода рассказывает:

«5 ноября, вечером, когда совершенно стемнело, корабли с потушенными огнями снялись с якоря. Погода, не баловавшая нас почти за весь этот месячный поход, испортилась окончательно: сырой снег, свежий норд-ост и зыбь...

В голове флотилии идет канонерская лодка № 6 (которая участвовала в бою 3 августа), приспособленная под тральщик. Ее задача — обследовать, а если нужно, то и очистить от мин маневренное пространство для следующей за ней флотилии. Пробирались ощупью вдоль берега.

Видимо, противник все же нас заметил: слева за кормой блеснула зарница и вслед за ней прокатилось эхо орудийного выстрела. За ним другой, третий... Стрельба была беспорядочной. Не отвечая, мы продолжали двигаться вперед. Где-то на берегу раздается редкая ружейная стрельба. Потом все стихает...

Вдруг возле самой Медвежки высоко взвилось красно-

желтое пламя и донесся звук отдаленного взрыва. Обернувшись, мы увидели на огненном поле силуэт «Сильного» (корабль белых), мачта которого переломилась пополам и исчезла в темноте. Белые взорвали «Сильный» вместе с минами, которые он не успел поставить.

Утром — перестрелка с береговыми батареями и гидропланами. По отдельным взрывам на берегу, по пламени пожаров, по тому, как, отстреливаясь от флотилии, уходил на север бронепоезд, было видно, что Медвежка белыми оставлена».

За кампанию 1919 года судами Онежской флотилии было пройдено около 17 000 километров, 17 раз им пришлось участвовать в бою. За это время было взято трофеев: 21 орудие, 16 пулеметов, 200 винтовок, тысячи снарядов, миллион патронов, броневик, аэроплан и другое снаряжение и военное имущество.

Одновременно в борьбе с врагом принимала участие и вторая советская флотилия — Северо-Двинская. Когда, в конце апреля 1919 г., окончился ледоход, флотилия вышла на боевую службу. Северо-Двинская флотилия — это простые речные пароходы и баржи, вооруженные старыми, изношенными орудиями. Эти орудия иногда в разгар боя разрывались и убивали артиллеристов... У врага были английские суда, хорошо оборудованные бронированные канонерки и мониторы. Кроме того, судам были приданы гидросамолеты, корректировавшие стрельбу и бомбившие красную флотилию. Но у советских моряков было основное преимущество. В борьбе со ставленниками помещиков и капиталистов они отстаивали свои кровные интересы и были готовы драться до последней капли крови за Советскую родину.

В начале летней кампании глава интервенционистских войск английский генерал Айронсайд попытался поколебать мужество красных матросов. С самолетов были сброшены листовки:

«Одумайтесь, сдавайте оружие, переходите на нашу сторону! Вы голодны, здесь вы будете сыты и одеты. Вас

обманывают ваши комиссары. Ваши семьи разорены и погибают. Всех вас ждет гибель от голода... Одумайтесь, пока не поздно! Мы сильны, мы веками вели войны на морях и реках и всегда выходили победителями. Мы вас победим. Одумайтесь и сдавайтесь!»

Но никто не сдавался.

И тогда с самолетов летели уже не прокламации, а бомбы.

Но вскоре генерал Айронсайд снова сочинил прокламацию к красноармейцам, в которой убеждал их прекратить дальнейшую борьбу и пугал их английскими «победоносными» войсками.

О том, какой ответ дали красноармейцы, рассказал потом генерал Айронсайд на лекции в Лондоне: «Прочитав мои прокламации, они кричали: — В море рыжего фельдфебеля Айронсайда! Да здравствует стойкая и мощная Красная Армия!..»

Вражеские суда неоднократно пытались атаковать наши корабли и баржи, но получали отпор. Самолеты врага десятками совершали налеты каждый день, а часто и дважды в день. Отражать налеты у флотилии было нечем, каждый снаряд приходилось экономить... Недостаток чувствовался во всем, особенно донимал голод: один раз в день выдавали суп из селетки и фунт хлеба. Но и из этого скудного пайка матросы уделяли часть голодающему прибрежному населению...

Несмотря на неравенство сил, враг не смог преодолеть упорного сопротивления красных. Англичане, горделиво заявлявшие о своей непобедимости, ушли, так и не добившись победы. Вооруженные силы красных начали подготовку к наступлению.

Флотилии было приказано прорваться вниз по Северной Двине. Около Сельца флотилия встретила серьезное препятствие. Тральщики, двигаясь по реке и не обнаруживая мин, неожиданно взрывались... Гибли суда, тонули команды... Долго не могли доискаться причин. Принимали все меры предосторожности, но тральщики загадочным образом

гибли... Оказалось, что перед уходом англичане расставили магнитные мины, которые, лежа на дне реки, взрывались с появлением железной массы корпуса парохода.

Матросы начали отыскивать мины, работали водолазы, пускали по течению плоты с подвешенными железными рельсами. Наступление задерживалось.

Вызвали добровольцев. Их нашлось много. Ежесекундно рискуя быть взорванными, героические матросы взялись провести над минным полем две пловучие батареи и два буксира. Отряд благополучно прошел минированный участок. Враг, считая себя в безопасности, был ошеломлен, увидев перед своими укреплениями советские батареи, начавшие обстрел его позиций. Белые бежали. Успех наступления был обеспечен.

Когда зима сковала льдом Двину, матросы пошли на сухопутный фронт, и часть из них укомплектовала бронепоезд «Красный моряк».

КРАХ ИНТЕРВЕНЦИИ

Интервенты все более и более убеждались в непобедимости русского народа. Большевики били врагов не только из винтовок и орудий, но и своим испытанным оружием агитации и пропаганды. Один из участников интервенции писал: «Большевики довели до крайних пределов свою пропаганду — оружие, которым они часто пользовались с таким мастерством. Тысячи экземпляров памфлетов, прокламаций и другой не менее красноречивой литературы разбрасывалось всюду...»

Генерал Мейнорд, командовавший оккупационным отрядом, в своих записках передает, что в феврале 1919 г. произошло первое восстание в оккупационных войсках.

«Французы отказались сражаться, и их пришлось отправить на родину. Далее последовали беспорядки, отказ сражаться и даже заговоры. 22 января недовольные солдаты подожгли барак с припасами на станции Кандалакша. В феврале сожгли самый большой барак в Мурманске,

причем погибли четыре офицера. В январе в Мурманске были убиты два английских офицера, а на двух в разное время было произведено покушение» и т. д.

В дневнике боевых действий белых войск Онежского района имеется такая запись (от 7 апреля 1919 г.) о поведении английских солдат: «Выясняется, что полковник Морисон, боясь ухода с позиций своих солдат, приказал прапорщику Баженову занять со своими пулеметами дорогу и в случае надобности стрелять по ним».

Большевистская пропаганда проникала и в далекий тыл интервентов. В Англии пролетарии устраивали стачки под лозунгом «Руки прочь от России...»

16 января 1919 г. глава английского правительства Ллойд-Джордж заявил:

— Найдется ли кто-нибудь, кто предложит уничтожить большевизм военной силой? Если бы он тотчас предложил послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж... Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие...

Это, конечно, не значило, что он вообще отказался от мысли о подавлении Советской Республики тогда вооруженной силой.

Ллойд-Джордж предпочитал, чтобы советскую власть свергли белогвардейцы, которых англичане продолжали снабжать оружием.

Царский дипломат Сазонов сообщал из Парижа в Архангельск генералу Миллеру: «Вернувшийся из Лондона Чайковский сообщает, что из личных переговоров с Черчиллем он убедился в окончательности решения англичан покинуть Архангельск...»

Миллер телеграфирует в Лондон бывшему русскому послу Набокову: «Прошу убедить английское правительство в необходимости оставить (в Архангельске) хотя бы небольшой отряд в одну-две тысячи человек на октябрь, преимущественно для обеспечения тыла, пока не подойдут отряды добровольцев из других государств, к формированию которых приняты меры».

Попытки белогвардейцев набербовать за границей наемников окончились неудачей. В скандинавских странах набор «добровольцев» производился следующим образом: безработную молодежь, демобилизованных солдат спаивали водкой и в пьяном виде заставляли подписывать контракты о найме. Из 30 таким образом завербованных в Дании солдат в Тромсэ (Норвегия) прибыло только 17. В Тромсэ один из них бросился в море, а остальные разбежались. В Дании таким же методом формировался отряд личной охраны главнокомандующего Миллера. Эту охрану пришлось переправить через Норвегию тайком, ночью, так как норвежские рабочие, узнав для какой цели назначен отряд, решили его не пропускать.

Все чаще вспыхивали восстания в белогвардейских частях. Белый генерал Марушевский в своих воспоминаниях рассказывает: «В первых числах июля, помнится, в ночь на 7-е, произошло восстание в Дайеровском полку. Восставшие солдаты прежде всего ворвались в избу, где спали офицеры, и успели убить семь человек, в том числе нескольких англичан.

Быстро распространившаяся тревога сразу поставила на ноги все войска и штабы, но часть дайеровцев все же успела перебежать к большевикам.

Восстание это для всех русских представителей власти было фактом, которого ожидали давно и которому несколько не удивились; для англичан это было крупнейшее разочарование, впечатление от которого было угнетающим.

Я поражен был, до каких размеров возросла пропаганда большевиков, главным образом на фронте.

Особенно внушало опасения то, что происходило на направлении Обозерская—Чекуево—Онега. На этом тракте, столь спокойном раньше, валялись пачками большевистские прокламации, воззвания, журналы...

Две роты 5-го полка в сопровождении двух прапорщиков возвращались на барже с передовых позиций на отдых в Чекуево.

Во время этой долгой поездки на палубу вышел один

солдат и крикнул: «Коммунисты, ко мне!» На его зов выскочило 11 человек. Они при поддержке остальных солдат арестовали своих прапорщиков.

Когда баржа пристала к Чекуевской пристани, навстречу ей вышел полковник Михеев. Сначала был схвачен он, а затем и чины его штаба. В Чекуеве восставшим ротам сопротивления оказано не было. Восставшие, воспользовавшись телеграфом, подняли остальные части полка, разбросанные по широкому району.

Так восстание охватило весь полк. Часть офицеров, захватив пулеметы, засела в избы и защищалась до последнего патрона. Все эти восстания явились грозным предостережением для интервентов.

Английский генерал Айронсайд заявил корреспонденту парижской газеты «Энформасион»:

— Эти бунты в полках, а особенно настроение населения г. Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам.

— Что же делать?

— Мое мнение — надо ликвидировать Северный фронт.

Айронсайд понял, что победить русский народ интервентам не под силу, и поспешил увести английские войска от позорного разгрома. В ночь с 26 на 27 сентября английские войска погрузились на пароходы и ушли из Архангельска, оставив о себе печальную память среди населения и сотни могил своих солдат, разбросанных по лесам и тундрам севера...

РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После ухода англичан генерал Миллер¹ собрал офицеров и объявил им:

— Господа офицеры! Наши союзники ушли, но мы здесь останемся и не отдадим край большевикам.

С уходом войск интервентов у белогвардейцев все же сохранилось численное превосходство. В декабре 1919 г.

¹ Главнокомандующий белыми войсками на Севере.

силы белых составляли 25 000 бойцов, а силы красных — 22 000. У белогвардейцев, кроме того, было превосходство в вооружении и в численности командного состава.

Белая армия полностью ввела у себя порядки царской армии. Были восстановлены старые чины, погоны и та же пропасть легла между офицерами и солдатами. Но чтобы изолировать мобилизованных солдат от большевистской пропаганды и соседства с Красной Армией, белогвардейцы завели «просветительный орган». В выпускаемых ими газетах и листовках солдатам сообщались такие «факты»: «Тамбовский совдеп решил воздвигнуть памятник Иуде Искарйоту... В случае успеха совдеповцев от Архангельска (и области) не останется камня на камне... 90% всего населения Северной области будут расстреляны, вырезаны, а их жены и дети изнасилованы и поруганы».

Эта белиберда естественно не имела никакого успеха среди солдат.

Не надеясь особенно на свою пропаганду, белое командование создало специальные отряды для подавления возмущения в полках и для расстрела частей в случае отступления.

* * *

В начале февраля 1920 г. 6-я Красная армия закончила приготовления к наступлению на последний оплот белых — Архангельск. Удар намечался по двум основным направлениям — вдоль железной дороги Вологда — Архангельск и вдоль Северной Двины.

В ночь с 3 на 4 февраля красные полки перешли в наступление. Мороз доходил до 37°. Войскам было приказано:

— Бить врага до полного уничтожения.

54-й стрелковой дивизии ставилась задача прорвать фронт и захватить Архангельск. Полки этой дивизии — 478-й, 480-й и 486-й занимали фронт против укрепленных позиций белых, закрывавших путь на Архангельск. Район был сильно укреплен построенными англичанами блокгаузами, связанными несколькими рядами проволочных заграж-

дений. Промежутки простреливались перекрестным пулеметным огнем.

Полки выступили ночью и заняли исходное положение. Был получен приказ атаковать врага и взять «ключ» к Архангельску — укрепления реки Шипилиха. Проваливаясь по пояс в снег, стрелкам приходилось продвигаться, пробираясь через молодняк и бурелом дремучего леса. Один из полков подошел к укреплениям у д. Шипилиха. На рассвете началась атака. У проволочных заграждений красные были встречены ураганным огнем из блокгаузов. Красноармейцы залегли, глубоко зарывшись в снег. Стало совсем светло. Впереди, за блокгаузами, виднелся штаб белых частей, склады с припасами. К блокгаузу, на подмогу, приближалась колонна белых. Орудия красных отстали, их волокли по глубокому снегу и когда подтащили — открыли огонь по позициям белых. По воспоминаниям участника, «с обеих сторон беспрерывно ураганным огнем били батареи, сотни тысяч пуль изрыгали из своих стальных пастей пулеметы, трещали сотни ружей стрелков. Сосновый лес как будто стонал от этой канонады. Сосны взлетали на воздух и со страшной силой падали на землю. Смерть и разрушение царили на каждом шагу. Люди, попадавшие под снаряды, разрывались на части. Многие раненые бойцы замерзали. Незадетые пулями и осколками снарядов красные бойцы бесстрашно двигались вперед».

Шипилиха — укрепленный пункт на пути к городу Архангельску — была взята.

Красные полки продвигались вперед. Газета 6-й армии писала об этом наступлении: «Красные бойцы идут неустанно по всему Северному фронту вперед. Деревня за деревней, село за селом освобождается от белогвардейской нечисти. А взять село или деревню на нашем фронте, где деревня от деревни находится подчас на расстоянии десятков верст, это победы, крупные победы!»

Части противника переходят к нам и помогают нам захватывать бронепоезда и артиллерию. Так, на железнодоро-

рожном направлении весь 6-й полк и остатки 3-го полка белых перешли к нам и помогли взять три бронепоезда.

Население встречает красных воинов с распростертыми объятиями и хлебом-солью».

Через пять дней после наступления Реввоенсовет 6-й армии доносил В. И. Ленину:

«8 февраля, сбив противника с укрепленной позиции на Северной Двине, взяли 2 деревни, более 200 пленных, 2 морских шестидюймовых орудия, винтовки, пулеметы. Второй удар нанесли вблизи железной дороги, взяв деревню Денисловку. Захвачено 8 офицеров, 2 бомбомета, 6 орудий и другая воендобыча. К нашим частям присоединились 5 рот 3-го севполка противника и наступают дальше совместно».

С редким бесстрашием дрались красные части.

В упор по броневикам врага били орудия бронепоезда «Советская Латвия». Коммунисты машинист Статкус и его помощник Терлецкий подняли над паровозом красный флаг с надписью: «Да здравствует красный Архангельск!», повели бронепоезд вперед на врага.

Политрук батальона связи Попов вместе с остальными политработниками пошел в передовые цепи наступающих частей. Впереди цепи, с винтовкой в руках, Попов с возгласом «Даешь Архангельск!» бросился в штыковую атаку и увлек за собою всю цепь. Комиссар полка Владимиров во время атаки третьей линии кольцевых укреплений шел впереди атакующих с возгласом:

— Вперед! Да здравствует советская родина!

В тылу у белых усилилось смятение, растерянность, части восставали.

Через пять дней Реввоенсовет доносил В. И. Ленину о новых победах:

«13 февраля противник в Архангельском районе отступил на 40 верст. Наше продвижение замедляется вследствие сильной порчи железной дороги. Пока захвачено 11 орудий, из которых 4 действуют против врага, 3 грузовых автомобиля, 4 бомбомета, 22 пулемета, 53 автомата,

750 винтовок, до семи тысяч снарядов и более ста тысяч патронов и другая военная добыча. Пленных и перебежчиков свыше тысячи, из них одиннадцать офицеров. Занято 23 деревни. Настроение наших войск боевое».

Части Красной Армии приближались к Архангельску.

На подступах к городу один из белых полков, считавшийся более надежным в боевом отношении, отказался выступить против красных. Группа солдат подошла к избе, где находились офицеры, и потребовала, чтобы они сдавались.

— Под начало комиссаров хотите? — спросил вышедший к ним офицер.

— Ну и что же... Комиссар — это наш брат, не золотопогонник...

— Бей золотопогонников!

Вперед вышел разведчик в белом балахоне и тронул офицера за плечо.

— Покорись... скидай погоны...

Офицер отскочил, как ужаленный, и мгновенно выхватил пашку.

— Не смей!

Не успели солдаты к нему броситься, как разведчик упал с перерубленной головой и кровь окрасила его белый балахон. Возмущенные солдаты бросились в избу. Раздалось несколько выстрелов. С офицерами было покончено... К избе спешили солдаты остальных рот.

— Стройся. В порядке пойдем к красным...

— Белый флаг надо, — предложил кто-то.

— С красным пойдем...

Но красного полотнища не нашлось.

— Вот наше красное знамя! — замерзший и упругий, как жель, окровавленный балахон убитого разведчика был привязан к шесту. Часть скорым шагом направилась к позициям красных...

Среди белых и в Архангельске царил паника.

19 февраля «главнокомандующий» генерал Миллер бежал на ледоколе «Минин» из Архангельска. Это было позорное бегство. За ледоколом «Мининым» шла яхта «Ярослав-

на». На борт этих судов взяли богатых буржуа, штабных, «веселых» дам, а своих раненых бросили... Впопыхах чуть не забыли даже личную охрану Миллера — отряд датчан. Белые попытались увести с собой ледокол «Канада» и «Сусанин», но матросы отказались уйти от родных берегов. «Ярославна» дала несколько орудийных выстрелов, но снаряды упали на пристань, где столпились не успевшие бежать белогвардейцы. Один из белогвардейцев, Соколов, в своем дневнике так описывает последние бесславные дни белых на Севере: «А к пристани все шли и шли одиночные офицеры и чиновники, позабытые штабом. Много было среди них офицеров, только что, ночью, прибывших с Двинского фронта. Они стоят на пристани, кричат, машут платками и папахами, но бесполезно. «Минин» уже на середине Двины. Более смелые и находчивые, бросив свои вещи и запасшись досками, бегут по льду к ледоколу... На пристани и на набережной собирается огромная толпа. В толпе немало офицеров...»

Спасший свою шкуру адмирал Иванов приказывает артиллеристу яхты «Ярославна»:

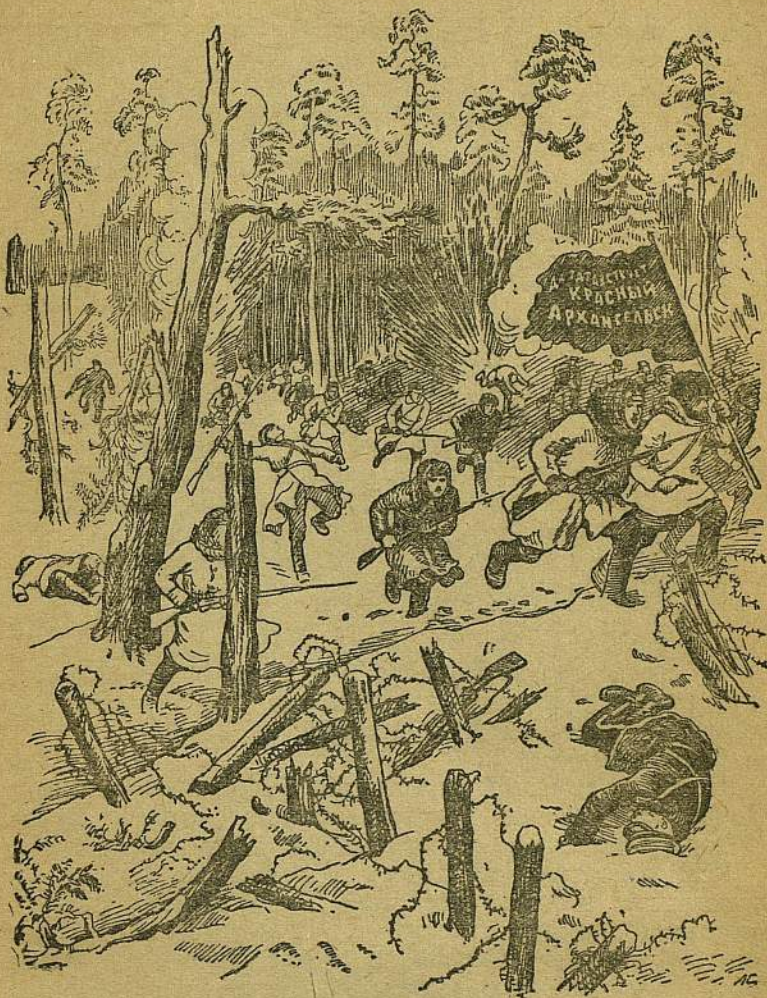
— А ну-ка, разгони эту толпу, чтобы помнили нас...

Белогвардейская пушка стреляет по толпе. На пристани офицеры выкатывают пулемет и угощают в свою очередь своих собратьев, удирающих на «Минине» и «Ярославне». Среди убегающих раненые, убитые, в том числе подстрелены адмирал Иванов и полковник Короткевич. «Минин» пробирается к морю, а по льду к нему бегут офицеры. Они проваливаются в полыньи, тонут...

В этот же день Архангельская радиостанция передала в Советскую Россию:

«Архангельск оставлен белыми сегодня утром.

Оставшиеся воинские части перешли на сторону советской власти. Организован временный комитет из профессиональных союзов, взявший власть в свои руки. Созывается совет. Порядок сохраняется. Комитет ждет распоряжения Центральной советской власти. Принимаются меры к задержанию бежавших».

... Попов с возгласом „Даешь Архангельск“ бросился в штыковую атаку...

Наступление Красной Армии в архангельском направлении обеспечило ликвидацию белых и в Мурманском районе. Еще с осени 1919 г., когда войска интервентов оставили Мурманск, подпольная большевистская организация начала готовиться к восстанию. В момент перехода Красной Армии в наступление намечено было нанести удар врагу одновременно и в тылу.

В Мурманск начали поступать первые сообщения с Архангельского фронта. Белые приуныли. Группа белых офицеров пыталась тайно бежать, оставив своих солдат на произвол судьбы. Попытка к бегству свидетельствовала, что белые чувствовали себя весьма непрочны.

По решению подпольной большевистской организации восстание было назначено на 19 февраля. Все приготовления были закончены. В 12 часов дня по сигналу — выстрелу из пушки миноносца «Юрасовский», стоявшего у борта транспорта «Ксения», вооруженные рабочие отряды и распропагандированная большевиками комендантская команда должны были выступить.

Пробило двенадцать, час, а сигнала все еще не было.

Командир миноносца «Юрасовский» проведаль о готовящемся выступлении и хотел увести корабль в море. Он уже отдал приказ — «отдать концы!» Но с транспорта «Ксения» следили за командиром и едва он произнес команду, как раздался выстрел из винтовки через иллюминатор. Командир упал на мостик мертвый.

Сигнал был дан.

В городе началась перестрелка. Рабочие отряды разоружили полицейских, сопротивлявшиеся отряды отогнали в горы и захватили все важнейшие учреждения города.

К 5 часам дня вся власть в Мурманске была в руках восставших рабочих. Восстание в Мурманске послужило сигналом для других пунктов Мурманской ж. д. Население Мурманска, Сороки и прилегающего к Мурманской ж. д. района с радостью и нетерпением ждало прихода красных частей.

21 февраля 1920 г. части Красной Армии вступили в Ар-

хангельск. Власти интервентов и их ставленников, белогвардейцев, был положен конец. Рассеянные по Северу отдельные части белых сдавались или уничтожались красными частями. Север навсегда стал советским.

Красным частям достались в Архангельске богатые трофеи: танки, автомобили, самолеты, флотилия, 11 орудий, 3 000 пулеметов, 40 000 винтовок, миллионы снарядов и патронов, гранаты и т. д.

Народы Севера торжествовали по случаю победы советской власти. Но среди торжественных праздничных дней был и день траура: рабочие выкопали из могил трупы расстрелянных белыми и интервентами борцов за советскую родину и торжественно предали их земле. Через весь город тянулся нескончаемый траурный кортеж, на сотнях телег везли гробы с погибшими на Мудьюге, в Иоканьге патриотами нашей родины. Над их гробами красноармейцы и трудящиеся клялись превратить Север в неприступный форпост социализма.

Славная Рабоче-Крестьянская Красная Армия под руководством партии большевиков разгромила объединенные силы интервентов и белогвардейцев на всех фронтах отечественной войны 1918—1922 гг.

Страна приступила к восстановлению разрушенного войной хозяйства.

В последующие годы партия и ее пламенный трибун, ближайший соратник товарища Сталина, незабвенный Сергей Миронович Киров уделяли особое внимание вопросам развития Севера.

Прошли годы двух сталинских пятилеток. Север, заброшенная и глухая окраина царской России, превратился в цветущий индустриальный край страны Советов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
I. Измена	
Сговор	3
Оккупация :	7
Открытый мятеж	10
II. Под властью интервентов	
Черные дни в Архангельске	18
Партия собирает силы	21
III. Разгром интервентов и северной контрреволюции	
Взятие Шенкурска	24
1919 год	28
Боевые действия флотилий	31
Крах интервенции	36
Разгром контрреволюции :	39

Редактор капитан *Бородин*

Техн. редактор *Лунашкин*

Корректор *Крель* Художник *Сметов* Обложка худ. *Соколова*

Сдано в производство 2.4.39.

Подписано в печати 31.7.39

Формат бумаги 70×108/32

Упоиш. Главлита № Г—3170

Объем 1½ п. л., 2,3 уч.-авт. л.

Изд. № 234. Зак. № 301.

Отпечатано в 1-й типографии Гос. военного изд-ва НКО СССР.

Москва, ул. Сиворцова-Степанова, д. 3.

76-3K
111

1985

Цена 26 коп.